

П.С. Гуревич

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ Н.М. КАРАМЗИНА ФИЛОСОФОМ?

Аннотация. Статья посвящена Н.М. Карамзину как философу. Разумеется, он прежде всего был историком, писателем. Однако он не стеснялся причислить себя и к философам. Для этого, по мнению автора, есть все основания. Н.М. Карамзин ввёл в русскую речь слово «личность». Вроде бы невелика заслуга. В XVIII – начале XIX вв. многие гуманитариисты увлекались словотворчеством. Но слово «личность», придуманное Н.М. Карамзиным, отвечало глубинным потребностям не только русской, но и европейской философии. В категориальном обиходе уже были слова «индивид», «индивидуальность». Теперь пришла пора обозначить человека особой, высшей меры, носителя высоких духовных и социальных качеств.

Автор использует методы философии истории и лингвистики, проводя сравнительный анализ близких по смыслу слов.

Впервые в отечественной философии Н.М. Карамзин характеризуется как философ. Он не просто ввёл новое слово в философию. Это понятие «личность» отражало радикальный поворот не только в русской, но и в европейской философии. После Карамзина русская философия обратилась к теме личности. К исследованию этой проблемы приложили свои усилия едва ли не все известные отечественные философы. В России сложилась персоналистическая философия. Ныне русская философия немыслима без философии личности.

Ключевые слова: персона, человек, индивид, индивидуальность, личность, история, социализированность, духовность, цельность, свобода.

Abstract. Thus article is dedicated to N. M. Karamzin as a philosopher. Indeed, first and foremost, he was a historian, as well as writer. However, he did not hesitate to refer to him as a philosopher. And in the author's opinion, he has all the reasons to call himself a philosopher. N. M. Karamzin introduced the word "identity" into the Russian speech. It does not quite seem like a big achievement. In the XVIII – early XIX centuries many humanitarians were fascinated with creation of words. But the word "identity" invented by Karamzin, met the in-depth demands of the Russian, as well as European philosophy. The categorical discourse already contained the words "individual" and "individuality". And now, it was the time to signify a person as a specific, highest measure, carrier of the high spiritual and social qualities. For the first time in history, Karamzin is characterizes as a philosopher. He did not just introduced a new word into philosophy, but the definition of "identity" reflected a drastic turn not only in Russian, but also European philosophy. After Karamzin, the Russian philosophy has referred to the topic of personality, which led to establishment of the personalist philosophy in Russia.

Key words: Freedom, Integrity, Spirituality, Socialization, History, Identity, Individuality, Individual, Human, Personality.

От Локка к Канту

Отечественные философы часто подчёркивают незрелость русской философии. Сравнивая её с европейским любознательством, правомерно рассуждают о том, насколько она вторична. Вот, к примеру, авторитетное мнение Ф.И. Гиренка: «Философы в России – это носители культуры Европы. Все мы здесь сидим и ждём, что они там сочинят, напишут. Чтобы написанное прочитать, перевести и прокомментировать. Мы, русские, – посторонние на европейском празднике мысли. Бедные, что мы будем делать, если сломается машина, если в Европе когда-нибудь перестанут думать? Ведь тогда неизбежно

во в наших головах воспроизведёт себя революционный вопрос: что делать?» [4, с. 48].

Такое мнение всё же не универсально. Э.Ю. Соловьёв в 1992 г. пришёл к убеждению, что М.М. Бахтин гораздо ближе к методологическим новациям современной философской герменевтики, чем М. Хайдеггер. И далее: «И если бы работа "К философии поступка" увидела свет в 20-х годах (а не в 1986 г., как это случилось на деле), то это, возможно привело бы к форсированному развитию всего герменевтического направления в Западной Европе ещё в предвоенный период» [9, с. 84].

Было бы нелепо отстаивать приоритетность русской философии в становлении базовых направ-

лений европейской мысли. Однако нет оснований недооценивать достижения русской философии в тех случаях, когда для этого есть основания. Далеко не всегда русские философы лишены интеллектуальных традиций. Даже и в тех случаях, когда они благоговейно чтят европейскую философию. В этом году А.Д. Сухов выпустил в свет любопытную книгу «Русские философствующие историки». Понятное дело, что любой крупный историк рано или поздно обнаруживает интерес к философии. Без метафизической рефлексии нелегко открыть смысл исторических событий. В книге разбирается исследовательская деятельность таких отечественных историков, как В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, Т.Н. Грановский, В.О. Ключевский. Автор называет их философствующими историками [11].

В процессе анализа А.Д. Сухов отмечает, что в работах этих историков не так уж много философской рефлексии. Скорее речь идёт об их увлечениях философской мыслью европейцев, об отдельных догадках и прозрениях учёных, изучающих ход истории. Разумеется, огромную философскую нагрузку несла на себе русская литература. Любопытные далеко не всегда обогащались лишь трудами дипломированных философов. Автор монографии стремится выявить философское начало в научном историческом исследовании, показать влияние мыслителей на философию истории.

Хотелось бы всё же выделить из этого ряда историков Н.М. Карамзина. Его роль в развитии русской философии, к которой он сам себя причислял, значительна. Дело в том, что в XVIII-XIX вв. не только русская, но и европейская философия искала приемлемое слово для описания реальности, которая казалась достаточно очевидной. Однако этот духовный феномен не был поименован. Многие авторы испытывали обострённый интерес к этой теме. Не хватало только наречения.

Суть исканий состояла в том, как обозначить человека высокой меры, достойного среди других людей. Гамлет говорит о своём отце: «Он человек был в полном смысле слова». Но в чём этот «полный смысл»? В героизме, подвижничестве, святости, преданности вдохновляющей идее? Какие черты следует выделить в этом персонаже, чтобы он не был полностью отождествлён с индивидом как отвлечённой социальной фигурой или с нестандартной особью? К уже бытующим словам индивид и индивидуальность напрашивалось ещё одно понятие, которое пока не обрело широкого признания.

Основательно обдумывал эту тему Джон Локк. Вполне очевидно, что не все люди равны. Различен их вклад в историю. Не совпадает масштаб их дея-

ний. А главное, что позволяет конкретному человеку сохранять свою особость, не утрачивать её в течение жизни и служить своего рода определённым тождеством с самим собой. Локку очевидно, что нельзя поставить знак равенства между людьми, когда речь идёт о тождественности человека, о его чертах, неизменных во времени. Английский философ обращается к латинскому слову «персона». Актёр демонстрирует различные человеческие образы. Но далеко не всегда в них обнаруживается особость. Маски отражают понятные, знаковые особенности человека. Однако они узнаваемы, стандартны. А человек высшей меры не может быть узнаваемым. Дж. Локк вводит понятие «персональная тождественность». Это слово таит в себе некую сокровенность, содержательность, значимость. Переводя это словосочетание на русский язык, исследователи пользовались словом «личность» как синонимом «персональной тождественности».

Но Локк не пользуется и словом «personality», поскольку оно пока не выражает нужную полноту замысла. Слово «personality» появилось в английском языке примерно в XIV в. Однако его смысл отличался от того значения, которое оно имеет в современном языке. Этим словом чаще всего обозначали конкретное лицо, нежели особую индивидуальность. Философский язык буквально тосковал по ещё не освоенному слову. Как назвать человека, в котором обнаруживаются не только природные, физические качества, не только особые индивидуальные черты, но и самотождественность самому себе, наличие вершинных состояний разума и духа. Ведь только эти качества могут обеспечить достоверность человека, его устойчивую самосохранность.

Такое не различие смыслов – индивид и человек особой меры было характерно и для немецкого языка: Person, Individuum, Gesicht. Понятия «лицо» и «личность» обозначаются И. Кантом порой через запятую. Личность для Канта – не столько сам человек, сколько определённые качества, которые возвышают его над другими лицами способностями к рефлексии или моральными достоинствами. Кант пишет: «Личность – это тот субъект, чьи поступки могут быть ему вменены. Моральная личность, следовательно, это не что иное, как свобода разумного существа, подчиняющегося моральным законам (психологическая же личность – это лишь способность осознания тождества самому себе в различных состояниях своего существования); отсюда, далее следует, что лицо подчинено только тем законам, которые оно (само или по крайней мере совместно с другими), для себя устанавливает» [5, с. 245-246].

И. Кант, как и Дж. Локк, связывает представление о значимом человеке с идеей свободы и разумности. Но понятие личности не отражает у Канта отдельной исключительности. Каждый человек, обоснованно или нет, может считать себя личностью. Прежде всего Кант указывает на волевые качества человека. Затем немецкий философ отмечает, в какой мере тот или иной человек наделяет себя внутренней ценностью. «Но этой лучшей личностью он считает себя, когда он переносит себя в положение члена интеллигентного мира, к чему его невольно принуждает идея свободы» [6, с. 236]. Кант не проводит радикального различия между словами «человек» и «личность». Критерием для обозначения личности по сути дела оказывается собственная самооценка.

От Карамзина к Бердяеву

Такое слово, которого взывает Локк, для русской речи находит Николай Михайлович Карамзин. Он вдохновляется божественным словом «лик» и использует неологизм «личность». Изобретение нового слова в XVIII-XIX вв. не было исключительным событием. Этим занимались Тредиаковский, Ломоносов, Шишков, Пушкин. Но Карамзин не только предложил новое слово, о котором томились многие мыслители. Он дал ему разностороннее толкование. Понятие «личность» стало ключевым для русской философии. Все любознательные – от Соловьёва до Бердяева и Гершензона предлагали всё новые и новые трактовки этой темы.

Н.М. Карамзин во время своего исторического путешествия имел встречу с И. Кантом. М.Ф. Быкова, описывая их беседу, отмечает, что русский историк не был искущён в метафизических оттенках и поэтому трепетно внимал словам великого европейского мыслителя [1, с. 101]. С таким утверждением трудно спорить. Разумеется, Н.М. Карамзин не обладал должной философской выучкой. Укажем всё же, что Николай Михайлович был историком, писателем. Ему тоже приходилось давать оценки выдающимся историческим деятелям, необычным историческим персонажам. Несомненно, Карамзин не только придумал слово, но и придал ему нужную философскую оснащённость.

Реконструкция философского мышления Н.М. Карамзина позволяет видеть, как менялась у него трактовка этих качеств. В данном случае я ссылаюсь не на конкретные цитаты, отдельные работы, а на огромную, внутреннюю работу мысли, которая отражалась в его трудах. Новое карамзинское слово нужно было освоить, оно требовало огранки и концептуальной содержательности. Пре-

жде всего, понятие, взятое на вооружение, помогло Н.М. Карамзину овладеть огромной массой исторических сведений. А.Д. Сухов пишет: «Для написания "Истории государства российского" привлечён фактический материал, почерпнутый из летописей, грамот, судебников, сочинений иностранцев, в разное время посещавших страну. Интересовавшие его свидетельства Карамзин находил в архивах и библиотеках, отечественных и зарубежных, в монастырях и частных хранилищах» [11, с. 63]. Эта информация, понятное дело, не была деперсонализированной. Речь шла о людях, о масштабе их деяний и о присущих им качествах. Чтобы распорядиться этим материалом, нужно располагать ориентирами. За скупым документом историку было важно разглядеть человека, простого и знатного, безликого и самобытного, разрушителя или создателя

Как только появилось слово «личность», русские исследователи наделили человека полной меры многочисленными качествами. К их числу относились такие добродетели, как социализированность, духовность, ответственность, верность свободе, цельность и др. Н.М. Карамзин пришёл к убеждению, что эти человеческие черты не выстраиваются в одну линейку. В отдельном историческом деятеле они могут выступать как противостоящие друг другу, рождая сложные и противоречивые ситуации.

Понятное дело, что нельзя назвать личностью индивида, который не вовлечён в социальные отношения, отчуждён от закона, выпадает из сложившихся общественных отношений. Однако, по мысли Карамзина, чрезмерная социализированность далеко не всегда является благом. Алексей Алексеевич Кара-Мурза в своих юбилейных публикациях блестяще показал, что история Николая Михайловича слабо соотносилась с жизнью благополучного и признанного баловня судьбы [7; 10]. Карамзину стало очевидным, что предельная социализированность далеко не всегда является благодатью. Она может вести к чиновничеству, социальному конформизму, намеренному или безотчётному слиянию с существующим режимом и властью. Позже экзистенциалисты указывали на ту угрозу для экзистенции, которую несёт в себе избыточная социализированность.

Что касается духовного развития, то оно вовсе не совпадает по определению с социализированностью. Н.А. Бердяев назвал аскета интересным антропологическим персонажем. Но такому подвижнику трудно отказать в духовности, хотя его социальные связи сведены до минимума, а подчас до полного отчуждения. Н.М. Карамзин, судя по

всему, не принял и локковское понимание личности как носителя устойчивых, неизменных свойств человека, независимых от места и времени. Такая трактовка Карамзина позволяет личности обеспечивать собственный духовный рост, динамизм.

Заслуга Н.М. Карамзина заключается не только в том, что он придумал слово, которое оказалось уместным для философской рефлексии о человеке. Он вызвал также радикальный поворот в русской философии, которая обрела гуманистический характер. Так сложилась персоналистическая фило-

софия Н.А. Бердяева, размышления о целостности человека в работах М.О. Гершензона и т.д.

Найдя русский эквивалент для английского слова «personality» Н.М. Карамзин выполнил не только лингвистическое задание. Новое понятие вызвало огромный интерес и поставило на повестку дня проблему личностного измерения культуры. Русские философы не только стали разрабатывать тему «человека особой меры». Они создали почву для персоналистической направленности всей русской философии.

Список литературы:

1. Быкова М.Ф. Николай Карамзин и европейский гуманизм // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. С. 88-115.
2. Гальцева Рената, Роднянская Ирина. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф, 2012. 758 с.
3. Гершензон Михаил. Избранное. Мудрость Пушкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 656 с.
4. Гиренок Фёдор. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008. 235 с.
5. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чаро, 1994. С. 224-541.
6. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Чаро, 1994. С. 153-246.
7. Кара-Мурза А.А. Швейцарские странствия Николая Карамзина (1789-1790). М.: Аквилон, 2016. 110 с.
8. Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
9. М.М. Бахтин как философ / Отв. ред. Л.А. Гоготшвили, П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. 255 с.
10. Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. 384 с.
11. Сухов А.Д. Русские философствующие историки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 159 с.

References (transliterated):

1. Bykova M.F. Nikolai Karamzin i evropeiskii gumanizm // Nikolai Karamzin i istoricheskie sud'by Rossii. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya / Obshch. red. i sost. A.A. Kara-Murzy, V.L. Sharovoi, A.F. Yakovlevoi. M.: Akvilon, 2016. S. 88-115.
2. Gal'tseva Renata, Rodnyanskaya Irina. K portretam russkikh myslitelei. M.: Petroglif, 2012. 758 s.
3. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Mudrost' Pushkina. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 656 s.
4. Girenok Fedor. Udovol'stvie myslit' inache. M.: Akademicheskii proekt, 2008. 235 s.
5. Kant I. Metafizika nravov // Kant I. Sobr. soch.: v 8 t. T. 6. M.: Charo, 1994. S. 224-541.
6. Kant I. Osnovopolozheniya metafiziki nravov // Kant I. Sobr. soch.: v 8 t. T. 4. M.: Charo, 1994. S. 153-246.
7. Kara-Murza A.A. Shveitsarskie stranstviya Nikolaya Karamzina (1789-1790). M.: Akvilon, 2016. 110 s.
8. Kutyrev V.A. Unesennye progressom. Eskhatologiya zhizni v tekhnogennom mire. SPb.: Aleteiya, 2016. 300 s.
9. M.M. Bakhtin kak filosof / Otв. red. L.A. Gogotshvili, P.S. Gurevich. M.: Nauka, 1992. 255 s.
10. Nikolai Karamzin i istoricheskie sud'by Rossii. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya / Obshch. red. i sost. A.A. Kara-Murzy, V.L. Sharovoi, A.F. Yakovlevoi. M.: Akvilon, 2016. 384 s.
11. Sukhov A.D. Russkie filosofstvuyushchie istoriki. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2016. 159 s.